

И. М. ШИШКИНА, В. А. ШИШКИН

**СОВРЕМЕННАЯ БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ РОССИИ
В ПЕРВЫЕ ГОДЫ НЭПа**

Социально-экономические процессы, обусловленные развитием советского общества в начале 20-х гг., вызвали и вызывают устойчивый интерес буржуазных историков и экономистов, специализирующихся в области так называемого советоведения. Пристальное внимание западных ученых к этим процессам определяется стремлением уяснить причины и значение тех радикальных перемен в жизни нашей страны, которые были связаны с переходом к новой экономической политике. Решения X съезда РКП(б), знаменовавшие начало поворота к НЭПу, почти единодушно характеризуются советологами как «кардинальный момент советской политики», «поворотный пункт русской истории» и т. д.¹ Вместе с тем эта проблематика используется некоторыми буржуазными авторами для тенденциозного истолкования экономического развития Советского государства и для дискредитации внутренней политики Советской власти.

К настоящему времени в буржуазной историографии насчитываются десятки общих и специальных исследований, затрагивающих различные проблемы политической и экономической истории Советской России того времени. Это обстоятельство поставило перед советскими историками задачу подвергнуть критическому рассмотрению работы ряда буржуазных авторов, посвященные различным сторонам развития советского общества в первые годы НЭПа.² Поскольку некоторые из этих статей дают

¹ См.: Schapiro L. The Communist Party of the Soviet Union. New ed. revised and enlarged. N. Y., 1968, p. 234; Prospects for Soviet Society. Ed. by A. Kassof. London, 1968, p. 79.

² См., например: Александрова Т. А., Соболев Г. Л. Вопросы истории социалистического строительства в СССР в американской бур-

достаточное представление об общем подходе зарубежной литературы 20-х—40-х гг. к оценке социально-экономических процессов, происходивших в Советской России в первые годы НЭПа, в этом обзоре критическому рассмотрению подвергнуты лишь работы современных буржуазных авторов, появившиеся в 50-е—70-е гг. При этом главное внимание сосредоточено на анализе американской и английской буржуазной литературы в связи с двумя вопросами, недостаточно освещенными в критических статьях советских историков: оценка западными советологами значения перехода к НЭПу с точки зрения развития революционного процесса в России после победы Октябрьской революции и оценка ими сущности НЭПа как социально-экономической системы.

Как же оценивается в современной буржуазной историографии решение X съезда РКП(б) о повороте к НЭПу с точки зрения его последствий для судеб революционного процесса в стране, как согласуется это решение в представлении Запада с марксистской теорией и программными установками большевистской партии?

В настоящее время уже почти не встретишь чисто эмоциональных оценок поворота к НЭПу, присущих западной публицистике и исторической литературе 20-х гг., которая рассматривала тогда это событие как безусловное начало реставрации буржуазных порядков в стране, как наступление «золотого века» в истории Советской России.³ Неким анахронизмом выглядит ныне трактовка перехода к НЭПу как «рискованной игры, в которой ставкой было сохранение режима».⁴ И тем не менее кое-что осталось и в современной буржуазной историографии от ее более ранней интерпретации значения поворота к НЭПу. Это относится главным образом к тезису о «перерождении» большевиков, отказу их от марксистской теории и программных идеалов

жуазной литературе. — В кн.: Критика новейшей буржуазной историографии. М.—Л., 1961; Ваксер А. З., Скляров Л. Ф. Против извращения истории классовой борьбы в СССР при переходе к НЭПу. — Там же; Шишкин В. А. Проблема перехода к новой экономической политике в освещении современной англо-американской буржуазной историографии. — В кн.: Рабочие Ленинграда в борьбе за победу социализма. М.—Л., 1963; Щербань Н. В. Об эволюции буржуазных оценок НЭПа. — В кн.: Новая экономическая политика. Материалы Всесоюзной научной сессии. Ч. I. М., 1971; Придворова Т. П. Новая экономическая политика в оценке буржуазных авторов. — В кн.: Критика буржуазной историографии советского общества. М., 1972; Шишкина И. М. Современная буржуазная историография о Советском государстве в начале двадцатых годов. — В кн.: Проблемы государственного строительства в первые годы Советской власти. Л., 1973; Романов И. З. Критика буржуазных извращений сущности НЭПа. — В кн.: Ленинское учение о НЭПе и его международное значение. М., 1973.

³ Подробнее см.: Щербань Н. В. Об эволюции буржуазных оценок НЭПа, с. 104—106.

⁴ Walsh W. B. Russia and the Soviet Union. A modern history. Ann Arbor, 1968, p. 425.

партии, что якобы и нашло свое отражение в решении X съезда РКП(б) о повороте к НЭПу. В передовой статье «Пятидесятилетие СССР», опубликованной американским еженедельником «Newsweek» к юбилею Октябрьской революции, по этому поводу говорилось следующее: «Именно в этот критический момент Ленин продемонстрировал гибкость, какой не проявлял ни один из его преемников. Отбросив все марксистские догмы, он сделал шаг назад и ввел НЭП».⁵

На этом общем тезисе по существу и основаны многие современные версии буржуазных авторов о значении поворота к НЭПу. Рассмотрим две наиболее типичные из них.

Первая версия, которую можно определить как «кошпацию выживания», представлена в сборнике «Будущее советского общества» под редакцией А. Кассофа, подготовленном к 50-летию Октябрьской революции. По мнению Д. Эзраеля, автора раздела «Партия и общество», «выживание было самым главным императивом в лепинском капопе», а само ленинское учение изображается им как чистый прагматизм, как «приспособление к условиям» и обстоятельствам.⁶ Исходя из такого понимания сущности ленинизма, автор характеризует решение о переходе к НЭПу как политическое маневрирование, вызванное спадом революционного движения, предпринятое также в целях «предотвращения экономического краха», как отход от принципов марксизма.⁷ Вместе с тем он вынужден признать положительное воздействие НЭПа на социально-экономическую обстановку в стране.

Эта версия при всей внутренней противоречивости в целом является попыткой приписать партии разработку нового курса не на основе марксистской теории и анализа классовых и социально-экономических отношений в обществе, вызвавших после окончания гражданской войны необходимость серьезных изменений в экономической политике при сохранении стратегической цели построения социализма, а ради ближайших задач, не имеющих ничего общего с программными установками.

Прежде всего следует подчеркнуть, что поворот к новой экономической политике, который паметился в связи с решениями X съезда РКП(б), отнюдь не был проявлением какого-то «прагматизма», связанного с задачей «выживания». Эта политика вполне соответствовала учению К. Маркса и В. И. Ленина, неоднократно обосновавших необходимость переходного периода от капитализма к социализму. Уже Маркс и Энгельс, убедительно доказывая неизбежность такого переходного периода, отмечали, что общество не может сразу избавиться от наследства старого строя и не может перескочить через естественные фазы своего развития или отменить их декретами. Частью наследства капитализма, неизбежно сохранявшегося длительное время после

⁵ Newsweek, 1967, vol. 70, № 17, p. 11.

⁶ Prospects for Soviet Society, p. 62.

⁷ Ibid.

победы пролетарской революции они считали, например, товарно-денежные отношения; указывали и на длительный характер существования мелкого частного производства, которое может быть приведено к высшим формам общественного производства лишь добровольным путем при всемерной помощи государства диктатуры пролетариата, посредством постепенного осознания мелкими собственниками преимуществ этих форм.⁸ Эти и многие другие элементы социально-экономической жизни общества переходного периода от капитализма к социализму, очерченные основоположниками марксизма, нашли свое выражение и в новой экономической политике, осуществляемой Советской Россией с весны 1921 г. В. И. Ленин, сделавший решающий вклад в разработку этого нового курса в области социально-экономических отношений, не только не порывал с марксистской теорией, как это пытаются представить некоторые буржуазные исследователи, но, напротив, основывался на ней и развивал ее применительно к сложившимся условиям Советского государства. В ряде своих выдающихся работ дооктябрьского периода, намечавших экономическую платформу партии, Ленин неизменно исходил из неизбежности длительного переходного периода, определял систему экономических мероприятий периода диктатуры пролетариата как «программу переходных мер к социализму».⁹ Отмечая, что марксистам Ленин планы немедленного «введения социализма», В. И. Ленин указывал, что «между капитализмом и социализмом лежит долгий период „родовых мук“».¹⁰ Разработанный В. И. Лениным весной 1918 г. конкретный план перестройки экономики страны на социалистических началах, изложенный в работе «Очередные задачи советской власти», учитывал сложность и длительность процесса строительства социализма в условиях диктатуры пролетариата и многоукладной экономики России, намечал меры, направленные на постепенное укрепление социалистических элементов народного хозяйства в борьбе с параллельно развивающимися капиталистическими элементами. Особое внимание он обращал на мелкобуржуазное по своей природе крестьянское хозяйство, отмечая в ноябре 1918 г., что «мелкое производство никакими декретами перевести в крупное нельзя... здесь нужно постепенно, ходом событий, убеждать в неизбежности социализма».¹¹ Не менее показательны, что в разгар действия политики «военного коммунизма» (1919—1920 гг.), применение которой во многом было вынуждено гражданской войной и обострением классовой борьбы в стране, партия никогда не отказывалась от научных положений марксизма о переходном периоде, о его

⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 18; т. 22, с. 518; т. 23, с. 10; т. 25, ч. II, с. 157.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 373.

¹⁰ Там же, т. 35, с. 192.

¹¹ Там же, т. 37, с. 219.

сущности и задачах. Об этом свидетельствуют многочисленные заявления и работы В. И. Ленина того времени.¹²

Таким образом, буржуазные авторы, пытаясь обосновать свою интерпретацию НЭПа с помощью версии о «выживании» и используя для этого тезис о «прагматизме», отказе от теории марксизма ради практических целей, — в действительности искажают существо вопроса: они игнорируют марксистско-ленинское учение о переходном периоде от капитализма к социализму, которое и явилось основой для разработки новой экономической политики.

Эта концепция является абсолютно несостоятельной и с точки зрения посылки о «выживании» как «главном императиве» определения политики партии на том или ином этапе развития Советского государства. В самом деле при рассмотрении значения перехода к НЭПу с этих позиций, в концепцию «выживания» никак не укладывается тот факт, что в конце 1917 г. и особенно весной 1918 г., то есть в условиях «красногвардейской атаки» на капитал, которые никак не соответствовали критическому положению рубежа 1920—1921 гг., партия ориентировалась на курс экономической политики по духу, если не по букве, близкий тому, что было предложено на X съезде РКП(б) под названием НЭП. Характеризуя новую экономическую политику, В. И. Ленин неоднократно отмечал ее пресмыченность с политической весны 1918 г., указывая, что — «в пей больше старого, чем в предыдущей пашей экономической политике»¹³ (имеется в виду «военный коммунизм», — *И. Ш., В. Ш.*). Он указывал при этом, что при разработке плана строительства социализма весной 1918 г., «мы предполагали, что обе системы — система государственного производства и распределения и система частноторгового производства и распределения — вступят между собой в борьбу в таких условиях, что мы будем строить государственное производство и распределение, шаг за шагом отвыкая его у враждебной системы. Мы говорили, что задача паша теперь уже не столько экспроприация экспроприаторов, сколько учет, контроль, повышение производительности труда, повышение дисциплины».¹⁴ План построения социализма, изложенный в работе «Очередные задачи Советской власти», как и отмеченные В. И. Лениным некоторые меры Советской власти, предпринятые в области экономики после Октября, были попыткой «осуществить переход к новым общественным отношениям с наибольшим, так сказать, приспособлением к существовавшим тогда отношениям, по возможности постепенно и без особой ломки».¹⁵

¹² Об этом см.: Гимпельсон Е. Г. «Военный коммунизм»: Политика, практика, идеология. М., 1973, с. 187—195.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 156.

¹⁴ Там же, с. 199.

¹⁵ Там же, с. 202.

Однако развернувшаяся с лета 1918 г. гражданская война, интервенция, обострение классовой борьбы внутри страны вынудили Советское государство усилить наступление на экономические позиции капитализма, отказаться от постепенных методов перестройки народного хозяйства, перейти к чрезвычайным формам и способам решения социально-экономических задач. Постепенно стала складываться экономическая политика, получившая впоследствии название политики «военного коммунизма». При этом В. И. Ленин отмечал, что не будь гражданской войны, вызванной сопротивлением буржуазии, экономические меры переходного периода были бы, вероятно, гораздо более «льготными» для капиталистических элементов, чем в период НЭП'а, ибо политика «военного коммунизма» подорвала их позиции быстрее и глубже, нежели это предполагалось вначале, и отступление 1921 г. проводилось уже с позиций, захваченных в 1918—1920 гг. в условиях острейшей гражданской войны. «Если бы господа капиталисты в октябре 1917 года приняли наши предложения, — говорил Ленин в марте 1922 г., — они имели бы в пять раз больше, чем сейчас».¹⁶

Следовательно, если в более или менее нормальных «мирных» условиях существования Советского государства допускалась экономическая политика, близкая будущему НЭПу по основному направлению развития народного хозяйства как многоукладного и рассчитанная на постепенное вытеснение капиталистических элементов, то совершенно бездоказательной является попытка «выводить» переход к ней в 1921 г., исходя из «версии выживания».

В целом же значение поворота к НЭПу с точки зрения развития революционного процесса в России никак не соответствует его интерпретации буржуазными авторами, основанной на рассмотренной схеме. Переход к новой экономической политике был не отходом от марксистской теории или программных идеалов партии, предпринятым ради «выживания». Не меняя социалистической сущности экономической политики периода гражданской войны, он менял лишь формы, методы, тактику и темпы ее осуществления, был рассчитан на сохранение и укрепление союза с крестьянством на экономической основе — как одного из важнейших условий существования диктатуры пролетариата в переходный период.

Версия «выживания», изложенная в сборнике «Будущее советского общества» под редакцией А. Кассофа, обращена не только в прошлое. Одна из ее сторон явно имеет целью дать кое-какие рекомендации по поводу современного развития советской экономики. В книге проводится мысль о том, что состояние народного хозяйства СССР середины 60-х гг. якобы «не

¹⁶ Там же, т. 45, с. 10.

сколько напоминает период, предшествовавший НЭПу». Раскрывая эту мысль, авторы сборника стараются убедить читателя в том, что как и к концу политики «военного коммунизма», советская экономика якобы «зашла в тупик» вследствие социалистических методов «контроля и планирования», которые стали «оковами для ее дальнейшего развития».¹⁷ Хотя авторы и недоговаривают, намек, содержащийся здесь, достаточно ясен: следует убрать эти «оковы», то есть отказаться от социалистических методов управления экономикой, перейти на рельсы свободной конкуренции капиталистического способа производства, и все сложные хозяйственные задачи будут решены сами собой.

В этих рассуждениях бросается в глаза явный субъективизм и предвзятость как в оценке явлений прошлого, так и в анализе современного состояния советской экономики. Во-первых, абсолютно неправильно приписывать разруху в экономике, наблюдавшуюся к началу 20-х гг., политике «военного коммунизма». Главной причиной тяжелого кризисного положения народного хозяйства Советской России было военное разорение и опустошение громадных областей, упадок всех основных отраслей промышленности и сельского хозяйства, вызванные сначала империалистической, а затем гражданской войнами. В этих условиях стало неизбежным и применение некоторых чрезвычайных мер руководства экономикой.

Во-вторых, известные диспропорции, возникшие в экономике СССР в середине 60-х гг. и нашедшие свое проявление в замедлении темпов роста производства, производительности труда и т. п., вызывались не социалистическими методами контроля и планирования, а недостатками их применения на практике. Поэтому экономическая реформа этого периода, осуществление которой привело к устранению возникших диспропорций и повышению объема промышленного производства за пятилетие 1965—1970 гг. в 1.5 раза, базировалась на улучшении централизованного управления и планирования народного хозяйства в сочетании с развитием местной инициативы, хозяйственной самостоятельности предприятий, применением хозрасчета и использованием мер экономического стимулирования. Касаясь путей дальнейшего развития экономики СССР в девятой пятилетке, А. Н. Косыгин отмечал незыблемость социалистических принципов руководства народным хозяйством как основы его успешного роста.¹⁸ Верность партии этому курсу привела к тому, что экономический потенциал страны за годы девятой пятилетки значительно возрос, а за последние 10 лет удвоился по сравнению с серединой 60-х гг. Решение новых задач государства в области народного хозяйства, предусмотренных десятой пятилеткой, —

¹⁷ Prospects for Soviet Society, p. 315.

¹⁸ Косыгин А. Н. Директивы XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 гг. М., 1971, с. 52.

повышение эффективности и качества общественного производства, — как указывал А. Н. Косыгин на XXV съезде КПСС, также базируется на «дальнейшем совершенствовании планирования и управления».¹⁹ Социалистическое планирование и организация управления производством, по словам Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, является громадным достижением СССР. «Наша страна, — говорил Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС, — первой встала на путь планового руководства экономикой. Этому сложному искусству у нас учились и учатся десятки других государств».²⁰

В-третьих, пришедший в 1921 г. на смену политике «военного коммунизма» новый курс руководства народным хозяйством вовсе не исключал использования советским государством тех самых методов «контроля и планирования», которые, как полагают авторы сборника под ред. А. Кассофа, стали оковами экономики в 1918—1920 гг. и были устранены. Вопреки их рекомендациям, в годы НЭПа, как это будет показано ниже, применялся государственный контроль за развитием экономики и закладывались основы социалистического планирования.

Одна из разновидностей версии «выживания», призванная «объяснить» значение перехода к НЭПу, принадлежит английскому историку Л. Шапиро. Он также разделяет тезис о «перерождении», якобы проявившемся в решении X съезда РКП(б), оценивая его как «резкий отход от доктрины». Суть его точки зрения состоит в попытке изобразить это решение как чисто политический маневр большинства ЦК, предпринятый также во имя «выживания», но не государства, как такового, а «коммунистической монополии власти», «партийной элиты», озабоченной сохранением своего «господства».²¹ В рассуждениях Л. Шапиро по этому вопросу совершенно затуманивается собственно экономическое значение поворота к НЭПу, роль этой политики для укрепления союза рабочего класса и крестьянства на экономической основе, для восстановления народного хозяйства, игнорируется сущность НЭПа как системы мер переходного периода от капитализма к социализму в условиях диктатуры пролетариата, как плана строительства социализма. Эти вопросы Л. Шапиро совершенно обходит, хотя и не прочь порассуждать на тему о том, что «правильный путь» — «это переход от мелкого производства к государственному капитализму, затем к социализму и лишь после этого к коммунизму».²²

¹⁹ Косыгин А. Н. Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы. М., 1976, с. 7, 26.

²⁰ Брежнев Л. И. Отчет Центрального комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. М., 1976, с. 70—71.

²¹ Schapiro L. 1) The Communist Party of the Soviet Union, p. 203; 2) The Origin of the Communist Autocracy. Political Opposition in Soviet Union. First Phase. 1917—1922. London, 1965, p. 204.

²² Schapiro L. The Communist Party of the Soviet Union, p. 209.

На первый план в работах Л. Шапиро выступает стремление к апологии потерпевших поражение в ходе развития революции меньшевиков, эсеров, антипартийных группировок в рядах РКП(б). В связи с этим весь смысл принятия партией решения о повороте к НЭПу он видит лишь в том, что она сделала некоторые экономические уступки, которые тотчас же «компенсировала» преследованиями других политических партий и репрессиями против ипакомыслящих в своих собственных рядах.²³ Даже признаваемый по существу всей буржуазной историографией факт, что введение НЭПа благотворно сказалось на социально-экономическом положении советского крестьянства, приобретает у Шапиро совершенно извращенное толкование. Недовольство крестьян, вызванное продразверсткой, по мнению Шапиро, было преодолено не только и не столько переходом к продналогу и к НЭПу в целом, сколько тем, что «в течение 1922 г. вся мощь Красной Армии была брошена на подавление крестьянских восстаний».²⁴ Не рассматривая здесь всех по существу фальсификаторских упражнений Л. Шапиро, отметим лишь, что в 1922 г. никаких массовых крестьянских волнений в стране практически не было; исключение составляет лишь бандитское движение так называемых зеленых в западных областях, в значительной мере организуемое русской контрреволюционной эмиграцией, переправлявшей эти банды с территории Польши.

Попытки Шапиро изобразить переход к НЭПу как политический маевр, сопровождавшийся мелкими экономическими уступками, дополненными системой репрессий, являются грубой фальсификацией смысла решения X съезда РКП(б) о повороте к НЭПу.

Другая версия значения перехода к НЭПу подробно отражена в работах Р. В. Дэниелса и в некоторых своих положениях разделяется другими буржуазными историками. В отличие от первой версии, которая прежде всего акцептирует внимание на прагматизме, который якобы определил изменение курса внутренней социально-экономической политики, приверженцы второй версии подходят к этому вопросу с иной стороны. Они не прочь подчеркнуть объективный и позитивный характер поворота к НЭПу, но связывают это событие не с задачей «выживания», а с тем, что большинство партийного руководства признало невозможность продолжения курса на строительство социализма, неосуществимость социалистической революции в условиях России и вследствие этого переродилось.

Р. Дэниелс, подобно Л. Шапиро, рассматривает этот шаг как некую «амальгаму» компромисса и репрессий.

Однако если Шапиро в оценке «политики репрессий» делает ее жертвами в первую очередь меньшевиков и эсеров, то Р. Дэ-

²³ Schapiro L. The Origin of the Communist Autocracy..., p. 204—205.

²⁴ Schapiro L. The Communist Party of the Soviet Union, p. 216.

ниелс выдвигает на первый план «самых преданных инсургентов революции», под которыми он понимает фракционные антипартийные группировки различного толка, и, главным образом, «рабочую оппозицию», также характеризуя их разгром с позиций «перерождения большевиков».²⁵ В этих своих рассуждениях Р. Дэниелс опирается на содержащуюся в его работе схему развития революционного процесса в России, которая сводится к тому, что ее основные этапы после Октября 1917 г. повторяют главные фазы, через которые прошли английская буржуазная революция XVII в. и французская конца XVIII в. Посмотрим, как же эта схема преломляется в связи с оценкой Дэниелсом значения решения X съезда РКП(б) для судьбы русской революции. Пристрастие к поверхностным историческим аналогиям приводит Р. Дэниелса к тому, что поворот к НЭПу он объявляет не чем иным, как «9-м термидора» русской революции».²⁶ Поскольку 9-го термидора во Франции произошел контрреволюционный переворот, положивший конец якобинской диктатуре, а выражение «термидорианец» давно стало синонимом слова «перерожденец», то «открытие» Р. Дэниелса можно понимать только как новый вариант тезиса о «перерождении» большевиков.

Однако Р. Дэниелс усматривает и различия между «термидорианской реакцией» во Франции и положением в Советской России 1921 г. Если в 1794 г. наиболее радикальные элементы Французской революции — якобинцы были устранены путем контрреволюционного переворота, то в России, по мнению Р. Дэниелса, дело обстояло несколько иначе. Часть «носителей идеалов» революции, приверженцев марксистской теории («рабочая оппозиция» и пр.) были отстранены от власти, другая часть (ленинцы) изменили своим принципам, «переродились» и сами стали во главе русского «термидора 1921 года».²⁷

Попытки Р. Дэниелса как-то обосновать свою оценку решения X съезда РКП(б) о повороте к НЭПу показывают полную абсурдность и несостоятельность и его аналогий, и его концепции в целом. Первый тезис его версии о перерождении ленинизма и «термидорианской реакции», проявившейся якобы в марте 1921 г., состоит в том, что НЭП, по его мнению, подразумевал «новый социальный порядок» и даже «новую историческую перспективу для советского режима».²⁸ Единственным основанием для этого утверждения служит Р. Дэниелсу нелепая мысль, что, поскольку международная революция потерпела поражение и большевикам пришлось рассчитывать на свои собственные силы, это и заставило их отказаться от программных идеалов. Если, говоря о «новой

²⁵ Daniels R. V. *The Conscience of the Revolution. Communist Opposition in Soviet Russia.* Cambridge (Mass.), 1965, p. 137.

²⁶ *Ibid.*, p. 138.

²⁷ *A documentary history of communism.* Ed. by R. V. Daniels, vol. I. N. Y., 1964, p. 94—95.

²⁸ Daniels R. V. *The Conscience of the Revolution...*, p. 154.

исторической перспективе», Р. Дэниелс имеет в виду строительство социализма, то она вопреки его домыслам, несомненно, сохранялась и после введения НЭПа. То обстоятельство, что пролетарская революция произошла только в одной стране и не была поддержана революцией в Европе, не дает никаких оснований говорить об утрате «исторической перспективы» строительства социализма. Речь может идти лишь о том, — как было отмечено XIV конференцией РКП(б), рассматривавшей вопрос о перспективах социалистического строительства в СССР, — что даже при наличии всех условий и возможностей строительства полного социалистического общества в одной стране нельзя было говорить об окончательной победе социализма в России, пока не победила революция в ряде других стран и пока не исчезла опасность свержения нового строя со стороны враждебного капиталистического окружения.

Итак, все рассуждения Р. Дэниелса о «термидорианской реакции» в России, равнозначной перерождению ленинизма, отказу от марксистской теории и программных установок, не выдерживают критики.

Второй тезис, призванный подтвердить концепцию «перерождения» и «русского термидора» в связи с поворотом к НЭПу, основан на произвольной оценке новой экономической политики как государственного капитализма. Учитывая, что социально-экономическая система, сложившаяся в Советской России после X съезда РКП(б), подвергается тенденциозной интерпретации, основанной на искажении сущности госкапитализма многими буржуазными историками и экономистами, мы специально остановимся на этом вопросе несколько позже.

Накопец, третьим тезисом Р. Дэниелса является столь же несостоятельная, как и две предшествующие, мысль, будто поворот к НЭПу означал не только отказ партии от задач социалистической революции, но и признание неосуществимости перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Более того, период, который последовал за решением X съезда РКП(б) о переходе к НЭПу, и Дэниелс, и другой «специалист» по ленинизму А. Мейер, по существу рассматривают как стадию буржуазно-демократической революции в России, а «в социальной и политической структуре НЭПа» А. Мейер даже усматривает «большое сходство с ленинскими идеями о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, хотя сам Ленин прямо никогда не говорил об этом».²⁹ Коль скоро НЭП «застрял» на программе-минимум и «партия не сумела перевести буржуазную революцию непосредственно в пролетарскую», это означало «тяжелое поражение» и в целом отступление от марксистских идеалов или «перерождение ленинизма». Таков ход рассуждений Р. Дэниелса и А. Мейера.³⁰

²⁹ Мейер А. *Leninism*. Cambridge (Mass.), 1957, p. 210.

³⁰ *Ibid.*

Следует заметить, что оценка А. Мейером и Р. Дэниелсом поворота к НЭПу как возвращения к стадии буржуазно-демократической революции, к задачам программы-минимум не является сколько-нибудь новой или оригинальной. В статье «Новые времена, старые ошибки в новом виде», написанной в августе 1921 г., а также в целом ряде работ и выступлений 1921—1922 гг. В. И. Ленин подробно остановился на тех же обвинениях в «перерождении», в отступлении большевиков к буржуазной революции, которые исходили тогда от меньшевиков, эсеров, деятелей 2-го и 2 1/2-го Интернационалов. Он следующим образом сформулировал тезис сторонников этой точки зрения: «Основной мотив у меньшевистствующих: „Большевики повернули назад, к капитализму, тут им и смерть. Революция все же оказывается буржуазной, и Октябрьская в том числе!“».³¹ В плане политического отчета ЦК РКП(б) XI съезду партии и в самом докладе на съезде В. И. Ленин вновь возвращается к такого рода обвинениям, суммируя их фразой: «Буржуазно-демократическая революция „они“ говорят!».³²

Руководитель партии и Советского государства считал, что таким обвинениям необходимо «как можно трезвее и точнее противопоставить учет фактических классовых сил и бесспорные факты...».³³ Поскольку в данном случае позиция «меньшевистствующих» и позиция Мейера—Дэниелса совершенно одинаковы, посмотрим, какие же доводы в опровержение подобных взглядов выдвигал В. И. Ленин.

Во-первых, указывал Ленин, считать стадию революционного процесса в России после поворота к НЭПу буржуазной или буржуазно-демократической революцией абсолютно неправомочно, поскольку «мы „доделали“ буржуазно-демократическую революцию так „чисто“, как никогда еще в мире. Это — величайшее завоевание, которого никакая сила назад не возьмет».³⁴

В самом деле, каковы были задачи буржуазно-демократической революции в России, задачи программы-минимум большевиков? Задачи эти, определенные программой, принятой II съездом РСДРП, не включали свержение капиталистического строя и установления диктатуры пролетариата, а предусматривали уничтожение царского самодержавия, установление демократической республики, введение 8 часового рабочего дня, ликвидации крепостнических пережитков в деревне и помещичьего землевладения.³⁵ Все эти задачи, как указывал В. И. Ленин, были частично решены Февральской революцией и полностью

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 101.

³² Там же, т. 45, с. 417.

³³ Там же, т. 44, с. 102.

³⁴ Там же, с. 417.

³⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. I. Изд. 8. М., 1970, с. 62—66.

выполнены на первом этапе Великой Октябрьской революции с 25 октября 1917 г. до 5 января 1918 г.

Будучи социалистической по своему характеру, Октябрьская революция вынуждена была довершать буржуазно-демократическую революцию, осуществлять ее задачи, ввиду бездействия меньшевиков и эсеров «за восемь месяцев (февраль—октябрь 1917 г.) их власти».³⁶ В этом смысле «довершения буржуазно-демократической революции» Октябрьскую революцию на этом этапе можно считать буржуазной, — писал Ленин.³⁷

Во-вторых, революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, соответствующая стадии буржуазно-демократической революции, существовала в России лишь очень короткое время, да и то в зачаточной форме в лице Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и местных Советов. В период же после поворота к НЭПу государственным строем переходного периода продолжала оставаться диктатура пролетариата, завоеванная в Октябре 1917 г. Союз пролетариата с крестьянством на экономической основе, закрепившийся после поворота к НЭПу, нисколько не изменил этой сущности Советского государства. Поэтому все утверждения относительно «перерождения ленинизма» и фактического «сползания» к диктатуре пролетариата и крестьянства являются абсолютно беспочвенными.

В-третьих, Октябрьская революция не только довершила задачи буржуазно-демократической революции. По словам В. И. Ленина, — «...мы сделали гигантски многое *сверх* буржуазной революции, для социалистической, пролетарской революции».³⁸ В нескольких своих работах В. И. Ленин суммировал это «гигантское многое»: свержение власти капиталистов и установление диктатуры пролетариата, создание советского типа государства, революционный выход из империалистической войны, завоевание и упрочение союза рабочего класса и крестьянства, овладение основными позициями в народном хозяйстве страны, которые обеспечивают переход к социализму.³⁹

Изменил ли переход к НЭПу соотношение классовых сил в стране, затронуло ли отступление на рельсах новой экономической политики хотя бы одно из этих величайших завоеваний пролетарской революции? На этот вопрос можно ответить только отрицательно. Политическая власть осталась в руках пролетариата. Советы — как государственная форма диктатуры пролетариата — сохранили свое положение и после введения НЭПа, союз рабочего класса и крестьянства укрепился уже на экономической основе, главные командные высоты в экономике, несмотря на уступки частному капиталу в городе и мелкобуржуазным элементам в деревне, также остались в распоряжении

³⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 102.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, т. 45, с. 95.

государства. Следовательно, эту стадию развития революционного процесса в стране никак нельзя отождествлять с буржуазной или буржуазно-демократической фазой революции, к которой якобы отступила партия, отказавшись, согласно домыслам советологов, от марксистской теории и собственных программных взглядов.

По мнению Ленина, переживаемая Советской Россией после введения НЭПа полоса развития революции была не буржуазно-демократической стадией, а переходным периодом к социализму в условиях, когда все задачи буржуазно-демократической революции были давно решены, было сделано очень много на пути развития социалистической революции, но когда сам фундамент социалистической экономики был еще «не доделан» или «не создан».⁴⁰

Таким образом, и третий тезис, на этот раз Мейера и Дэниелса, в пользу версии о «перерождении», то есть отказе от марксистской теории и программных положений большевиков, якобы проявившемся в решении X съезда РКП(б) о переходе к НЭПу, является плодом досужих рассуждений и ничем не доказан. Следовательно, и вся концепция Р. Дэниелса, вытекающая из его схемы развития революционного процесса в России, представляет несостоятельную попытку выдать желаемое за действительное и не имеет ничего общего с объективным освещением этого вопроса.

Рассмотрим теперь вопрос о том, как же раскрывается в современной буржуазной историографии сущность той социально-экономической системы, которая сложилась в Советском государстве после поворота к НЭПу. Общим для всей буржуазной историографии, как мы установили, является утверждение, согласно которому решение о повороте к НЭПу знаменовало собой отход от марксистской теории. С этих позиций многие западные исследователи пытаются рассматривать и ту экономическую систему, которая стала действовать в народном хозяйстве страны с весны 1921 г., полагая, что она также находится в противоречии с марксистскими представлениями об общественно-экономическом механизме пролетарского государства. Один из них, Т. Андерсон, считает, например, НЭП «новой капиталистической политикой в социалистической теории».⁴¹ Однако значительная часть представителей консервативного направления современной буржуазной историографии не ставит на этом точку и пытается оценить новую экономическую политику термином «госкапитализм», вкладывая в это понятие такое содержание, с которым

⁴⁰ Там же, т. 44, с. 417—418; т. 45, с. 11.

⁴¹ Anderson T. Russian political thought. An introduction. N. Y., 1967, p. 329.

нельзя согласиться.⁴² В этом отношении наиболее характерна концепция А. Улама. Давая определение сущности «нового общества», этот автор считает, что оно «не может быть названо ни социалистическим, ни переходным». По мнению автора, оно не может быть так охарактеризовано потому, что были допущены капиталистические элементы в городе и мелкие производители в сельском хозяйстве.⁴³ При этом А. Улам совершенно сбрасывает со счетов социалистический сектор в экономике, который определял тенденцию развития общества. Он «забывает», что, делая уступки крестьянству и мелкой буржуазии, пролетарское государство оставляло за собой узловые пункты экономики: крупную промышленность, транспорт, монополию внешней торговли, национализированную землю. Сохраняя, таким образом, «командные высоты» в народном хозяйстве, Советское государство ограничивало капиталистические элементы, устанавливало размеры их производства, цены на их продукцию, высокие налоги и т. д.

Если это не социалистическая и не переходная экономическая система, то какова же ее природа? Определяя сущность НЭПа, А. Улам пишет, что если «не имелось такой вещи, как социалистическая экономическая система», то «этот социализм был просто капитализмом» с той лишь разницей, что вместо «множества капиталистов имелся один — государство».⁴⁴ А далее он утверждает, что в основе взглядов В. И. Ленина еще в 1918 г. был экономический строй, близкий капитализму: «... в то же самое время, когда он вводил рабочий контроль на фабриках, крестьянские коммуны и другие эксперименты, которые известны под названием „военного коммунизма“, лидер коммунизма мечтал о возвращении денежной экономики, трудовой дисциплины, единоначалия и всех других вещей, которые называются капитализмом».⁴⁵ Так, под пером Улама ленинский план построения социализма, разработанный весной 1918 г. с учетом особенностей экономики переходного периода, произвольно превращается в мечты о «возвращении капитализма». Раскрыв таким образом свое «понимание» этого плана, Улам с необычайной легкостью переходит к оценке экономической модели, сложившейся в Советской России после перехода к НЭПу, отмечая такие ее элементы, как «государственный капитализм», «дисциплина труда», «единоначалие», «денежная экономика». Все вместе взятое, полагает этот автор, не социалистическая система экономики и не переходная, а система, близкая к капитализму. Идеи такой экономической си-

⁴² См., например, работу Е. Лайонса, который считает НЭП «компромиссом с капитализмом» под названием «госкапитализм» (Lyons E. Workers paradise lost. Fifty Years of Soviet Communism: a balance sheet. N. Y., 1967, p. 56).

⁴³ Ulam A. Lenin and the Bolsheviks. The Intellectual and Political History of the Triumph of Communism in Russia. London, 1966, p. 479.

⁴⁴ Ibid., p. 487.

⁴⁵ Ibid., p. 488.

стемы, по мнению А. Улама, противоречат принципам социализма, в лучшем случае, полагает он, эта система была проявлением попыток ввести госкапитализм в условиях «примитивной, варварской, полуазиатской России».⁴⁶

Не останавливаясь пока на этой точке зрения по существу, отметим лишь, что она полностью отождествляет экономическую систему Советского государства с «госкапитализмом», а этот последний трактует как замену отдельных капиталистов целым и единым государством-капиталистом, государством-эксплуататором.

Другая концепция, также исходящая из оценки НЭПа как госкапитализма, толкует этот термин применительно только к социалистическому сектору экономики Советской России этого времени. В наиболее отчетливом виде она представлена в «Истории России» Дж. Кларксона и в его статье «Россия и будущее», помещенной в журнале «Russian Review». Автор утверждает, что «между госкапитализмом и социализмом пет разделяющей их линии»,⁴⁷ а «новая экономическая политика, при которой основная промышленность концептировалась в социалистическом секторе, должна была руководствоваться принципами, очень похожими на корпоративный капитализм...».⁴⁸ В своей «Истории России» Дж. Кларксон прямо писал, что «социалистический сектор» советской экономики просто отражал продвинутую стадию монополистического капитализма, которая, по марксистской терминологии, должна была «эксплуатировать» рабочих для того, чтобы получить выгоду для капиталиста.⁴⁹ Таким образом, Дж. Кларксон «оценивает» социалистический сектор советской экономики, как «госкапитализм», отличающийся от «монополистического капитализма» лишь тем, что «бездушным эксплуататором» при нем выступает само государство, а не «частный индивидуал».

В другой работе, опубликованной в 1967 г., Д. Кларксон еще более последовательно и подробно трактует вопрос о сущности советской экономической системы, исходя из теории конвергенции. Он пишет, что экономический строй государственного сектора СССР и в первые годы НЭПа, и теперь в особенности, все больше сближается с экономикой, основанной на экономических законах капитализма. Доведя эту мысль до полного абсурда, Кларксон не останавливается перед выводом, что оценка социализма как первой фазы коммунизма «является идеологической фикцией».⁵⁰

⁴⁶ Ibid., p. 479.

⁴⁷ Clarkson J. A History of Russia from the ninth century. N. Y., 1962, p. 647.

⁴⁸ Clarkson J. Russia and the future. — Russian Review, 1967, vol. 26, № 4, p. 369.

⁴⁹ Clarkson J. A History of Russia. . . , p. 646.

⁵⁰ Clarkson J. Russia and the future, p. 369—370.

В современной буржуазной историографии такого рода домыслы, исходящие из пресловутой теории конвергенции, имеют довольно широкое хождение. На такой же позиции стоит, например, реакционный западногерманский историк Г. Раух.⁵¹ Весьма показательна и приводимая в работе Л. Кочэна расшифровка сокращения НЭП, как «новая эксплуатация пролетариата».⁵²

Следует отметить, что оценка экономической системы НЭПа в целом или даже только одного социалистического сектора как «госкапитализма» не разделяется всеми «советологами». Некоторые авторы буржуазно-либерального направления не согласны с этой оценкой и частично подвергают ее критике.

Так, например, Г. Эллисон выступает против отождествления экономической системы Советского государства 20-х гг. с «госкапитализмом». Он считает, что этот тезис был впервые выдвинут «новой оппозицией». Г. Эллисон пишет, что «с командных высот можно было легко контролировать конкуренцию в промышленности и торговле...».⁵³ Другой буржуазный историк М. Левин в своей книге «Последняя борьба Ленина» подчеркивает, опираясь на ленинские высказывания, что понятие госкапитализма в советских условиях было иным, чем, например, в германской военной экономике периода 1914—1918 гг. Он пишет следующее: «В условиях советской экономики имелось существенное отличие: государство было не капиталистическим, а пролетарским, и непосредственно занимало важные экономические позиции. Ленин использовал термин „госкапитализм“, потому что он рассчитывал на сотрудничество с русским капитализмом и с иностранными предпринимателями...». Но государство, по его мнению, должно было проявлять бдительность и ввести необходимые методы контроля и наблюдения над ними. Так Ленин надеялся построить социализм с помощью капитализма и «иностраных рук».⁵⁴

При всей неполноте и недостаточности такого понимания «госкапитализма» и ошибочности ряда положений (Левин приписывает, например, В. И. Ленину мысль о том, что Россия нуждалась в длительном периоде капиталистического развития на пути к конечной цели, социализму),⁵⁵ оно все же выгодно отличается от приведенных выше взглядов Улама и Кларксона, имеющих широкое распространение в современной буржуазной историографии. В связи с этим следует подвергнуть их более тщательному критическому анализу.

⁵¹ Rauch G. A History of Soviet Russia. N. Y., 1967, p. 125.

⁵² Kochan L. The making of modern Russia. London, 1962, p. 258.

⁵³ Ellison H. A History of Russia. N. Y.—Chicago—San Francisco—Toronto—London, 1964, p. 352.

⁵⁴ Lewin M. Lenin's Last Struggle. N. Y., 1968, p. 26.

⁵⁵ Ibid.

Прежде всего, что же следует понимать под термином «госкапитализм» применительно к условиям социально-экономической действительности Советского государства после поворота к НЭПу? Как известно, Ленин придавал понятию госкапитализм при диктатуре пролетариата двойкий смысл. Во-первых, под госкапитализмом подразумевался лишь один из пяти различных общественно-экономических укладов, которые существовали в народном хозяйстве страны: 1) патриархальный, то есть в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство, не связанное с рынком; 2) мелкотоварное производство, куда относилось большинство крестьянских хозяйств, связанных с рынком, и кустары; 3) частно-капиталистический (промышленные и торговые предприятия в городе, кулацкое хозяйство в деревне); 4) государственно-капиталистический (подконтрольные предприятия, смешанные общества, буржуазная кооперация, хлебная монополия); 5) социалистический (государственные промышленные предприятия, транспорт, совхозы, коллективные хозяйства, рабочая кооперация).⁵⁶ Отмеченные Лениным в 1918 г. пять укладов не претерпели существенных изменений и сохранились в целом после введения НЭПа. Следовательно, госкапитализм в узком смысле слова был одним из укладов в экономической системе, к которому после 1921 г., как правило, относились аренда, концессии, смешанные общества, комиссионная торговля, некоторые виды кооперации. Этот уклад не получил сколько-нибудь широкого развития и при НЭПе. Во-вторых, в более широком смысле слова, Ленин рассматривал госкапитализм как новую форму отношений между победившим пролетариатом и побежденной буржуазией, как особую политику диктатуры пролетариата, применяющую целую систему методов и способов государственного вмешательства в целях регулирования частнохозяйственного капитализма и подчинения его деятельности интересам и задачам пролетарского государства.⁵⁷ В связи с этим отождествлять целиком всю систему новой экономической политики и тем более социалистический ее сектор с госкапитализмом, как это делают представители реакционной буржуазной историографии, означает искажать взгляды Ленина в угоду целям, не имеющим ничего общего с наукой.

По Ленину, сущность всей экономической системы страны, сложившейся после поворота к НЭПу, отнюдь не ограничивалась понятием «госкапитализм». В плане доклада на IV конгрессе Коминтерна В. И. Ленин прямо поставил вопрос: «В чем план

⁵⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 296.

⁵⁷ Подробнее по этому вопросу см.: Хессин Н. В. Ленинское учение о НЭПе и его историческое значение. — Вестник МГУ, Экономика, 1971, № 3, с. 22—23; Коссои А. И. Разработка В. И. Лениным проблемы госкапитализма в условиях социалистического строительства. — В кн.: Новая экономическая политика. Материалы Всесоюзной научной сессии..., вып. 2. М., 1971, с. 24—39.

или идея или суть НЭПа?». Ответ, который он дал на этот вопрос, был следующим: «Итак? „Новая экономическая политика“ =

- 1) командные высоты в наших руках
- 2) земля у государства
- 3) свобода хозяйственной деятельности крестьян
- 4) крупная индустрия (и крупное сельское хозяйство) в наших руках
- 5) частный капитализм — для него возможна конкуренция с государственным капитализмом
- 6) государственный капитализм такого рода, что мы привлекаем частный капитал вместе с *нашим* капиталом».⁵⁸

Из такого ответа В. И. Ленина вытекает, что госкапитализм и как уклад, и как метод ограничения и контроля частного капитала отнюдь не занимал главенствующего положения в экономической системе Советского государства в переходный период. Более того, НЭП в советской науке определен на основе ленинского учения, всей совокупности фактов, их тщательной оценки и сопоставления, как политика, которая «... была рассчитана на преодоление разлуки, на создание фундамента социалистической экономики, развитие крупной промышленности, установление экономической смычки между городом и деревней, укрепление союза рабочего класса и крестьянства, на вытеснение и ликвидацию капиталистических элементов, на победу социализма».⁵⁹ Госкапитализм с точки зрения этой перспективы в обоих своих проявлениях представлял не что иное, как форму борьбы с капитализмом и одновременно сотрудничество с ним в целях использования его в интересах пролетариата и одновременно создания условий для его полной ликвидации.⁶⁰

Только так и можно рассматривать госкапитализм, если подходить к этому явлению конкретно-исторически, оценивая его во всей совокупности фактов, а не выхватывая из целостной экономической системы или политики отдельные звенья и возводя их в абсолют, придавая им совершенно несвойственные этим явлениям значение и смысл. Рассмотренные же нами концепции Улама и Кларксона представляют собой прямое искажение этих явлений с явной целью представить экономическую систему Советского государства после X съезда РКП(б) не как переходную к социалистическому способу производства, а в одном случае как монополистическую, тоталитарную структуру, где эксплуататором выступает само государство, в другом — как ту же структуру, но в рамках социалистического сектора. Используемый в этом втором случае один из вариантов теории конвергенции призван лишь

⁵⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 431, 437.

⁵⁹ 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы ЦК КПСС. М., 1967, с. 12.

⁶⁰ Коссов А. И. Ук. соч., с. 26—27.

подчеркнуть, что сближение капиталистической и советской системы будет еще более полным, если последняя откажется от своего признака «государства-эксплуататора» в пользу отдельных эксплуататоров — капиталистов. Так выглядят невинные, на первый взгляд, упражнения реакционных историков Запада с термином «госкапитализм» при оценке НЭПа.

Отождествлением экономической системы Советской России первых лет НЭПа с превратно толкуемым «госкапитализмом» не исчерпывается трактовка этой проблемы реакционным направлением современной буржуазной историографии.

В последнее десятилетие, пожалуй, даже более распространенной является другая версия относительно экономической модели, сложившейся в связи с переходом к НЭПу. Она представлена в работах целого ряда американских и английских экономистов-«советологов» и принята также и некоторыми историками реакционного направления. Речь идет о концепции так называемого рыночного социализма, смыкающейся с идеями современных правых ревизионистов типа О. Шика и основанной в значительной степени также на теории конвергенции.⁶¹

Отвергая учение В. И. Ленина о НЭПе как переходной системе, рассчитанной на постепенное вытеснение капиталистических элементов из экономики, сторонники этой концепции пытаются изображать эту систему как особую специфически социалистическую модель, как образец «мирного сосуществования» различных укладов в условиях социализма.

Так, А. Мейер в своей книге «Советская политическая система» характеризует НЭП как «социально-экономическое межвластие», при котором «мирно сосуществовали» капитализм с социализмом. В то же время А. Мейер отмечает, что «в советских работах эти годы всегда именуется переходным периодом», и как пример приводит книгу П. Н. Никитина «Основы политической экономики» (М., 1962).⁶²

Однако в наиболее полном и отчетливом виде концепция «рыночного социализма» применительно к оценке экономической модели начального периода НЭПа представлена в работах американского экономиста В. Н. Бандеры. Сотрудник Калифорнийского университета (Беркли) и Бостонского колледжа, Бандера опубликовал две большие статьи, специально посвященные этому вопросу. Первая из них под названием «Новая экономическая по-

⁶¹ Подробнее см.: Ольсевич О. Я. Эффективность экономики социализма. Критика буржуазных и ревизионистских концепций. М., 1973.

⁶² Meyer A. The Soviet Political System. An interpretation. N. Y., 1965, p. 408.

литика (НЭП) как экономическая система» появилась в 1963 г., вторая — «Рыночная ориентация государственных предприятий в годы НЭПа» — в 1970 г. Бандера в этих статьях выражает несогласие с теми авторами, которые считают, что НЭП — это возврат к капитализму или, как например английский экономист-марксист М. Добб, что НЭП — это прелюдия социализма. Бандера полагает, что НЭП ни то ни другое, а хорошо сбалансированная, устойчивая экономическая система со своими законами. По его мнению, НЭП «был не переходной политикой, а четко определенной, функциональной системой», давшей путь «новому экономическому режиму». ⁶³ При этом В. Бандера наталкивает читателя на мысль, что не нужно было что-либо менять в этой системе, не нужно было переходить к индустриализации и коллективизации, а остановиться на этой стадии, встав на путь ее совершенствования.

Считая НЭП «советским экспериментом рыночного социализма», ⁶⁴ он видит в нем модель для настоящего социализма, при котором, как полагает В. Бандера, все отношения должны строиться на рыночной конъюнктуре, без планирования и централизации. Определяя таким образом НЭП, автор как бы протягивает мостик к современности, утверждая, например, что новые экономические реформы в СССР заставляют вернуться к практике НЭПа, отказаться от централизации, планирования и т. д. Целый раздел своей статьи автор посвящает трестам — прототипам нынешних фирм, этим «рыночно ориентированным», «независимым, решающим объединениям». ⁶⁵ Несмотря на известное вмешательство государства, определяющим в положении трестов — основных механизмов НЭПа — В. Бандера считает то обстоятельство, что «рынок служил главным координирующим механизмом между предприятиями». ⁶⁶ Он противопоставляет систему НЭПа экономике периода пятилеток, которую он называет «волюнтаристским прямым контролем», «командной экономикой» и т. д. ⁶⁷ Продолжением же НЭПа В. Бандера считает «югославский эксперимент», хотя и там, как он утверждает, «эволюция в этом направлении была разрушена русским автократическим окружением». ⁶⁸ Социализм во всех же остальных социалистических странах В. Бандера рассматривает как «польскую, румынскую и болгарскую вариации на советскую тему». ⁶⁹ Лишь экономика Чехословакии, — по мне-

⁶³ Bandera V. N. 1) Market orientation of State Enterprises during NEP. — Soviet Studies, 1970, vol. 22, № 1 (July), p. 110; 2) The New Economic Policy (NEP) as an Economic System. — The Journal of Political Economy, 1963, vol. 71, № 3, p. 265.

⁶⁴ Bandera V. N. Market orientation of State Enterprises during NEP, p. 110.

⁶⁵ Ibid., p. 113.

⁶⁶ Ibid., p. 115.

⁶⁷ Ibid., p. 114, 118.

⁶⁸ Ibid., p. 113.

⁶⁹ Ibid., p. 119.

нию автора, — могла «сделать переход от командной к рыночной системе», если бы ей не помешали.⁷⁰ Подводя итог всему сказанному, Бандера выражает ту точку зрения (хотя и не развивает ее), что советская экономическая система, которой уступил место НЭП, представляет собой «эксплуатацию масс социалистической супермонополий» вместо прежних капиталистических монополий империализма.⁷¹ Как мы уже видели у других буржуазных авторов, например, у Кларксона, такая эксплуатация существовала уже при НЭПе, когда в качестве такой супермонополии выступал социалистический сектор.

Эта апология системы НЭПа «как рыночного социализма» и противопоставление ее последующей так называемой командной экономике периода пятилеток не имеет ничего общего с научным подходом к изучению данного вопроса.

Попытки представить экономику этого времени брошенной на произвол «правилам рыночной игры», противоречат действительным фактам. Хотя, как правильно отмечает В. Бандера, с переходом к НЭПу государственная трестированная промышленность была переведена на хозрасчет, подчинена принципу рентабельности, это отнюдь не означает, что рыночная стихия определяла все содержание экономической системы. Бандера не желает замечать или принижает роль тех элементов «командной экономики», которые действовали и в годы НЭПа и которые стали основой последующего экономического развития страны. Речь идет прежде всего о наличии планового начала в этот период. «Новая экономическая политика, — писал В. И. Ленин, — не меняет единого государственного хозяйственного плана и не *выходит* из его рамок, а меняет *подход* к его осуществлению».⁷² В самом деле, можно ли говорить о «рыночной игре» как «главном координирующем механизме» системы, игнорируя такие факты, как осуществление плана ГОЭЛРО в этот период, создание в 1921 г. Госплана. В первые годы НЭПа в связи с Генуэзской конференцией был разработан и первый набросок советского перспективного плана развития промышленности. «В этом наброске, — отмечал председатель Госплана Г. М. Кржижановский, — хотя и в грубых чертах, но уже намечаются общие масштабы капитального строительства».⁷³

Далее, в концепцию «рыночного социализма», развиваемую В. Бандерой, никак не укладывается такой факт, как последовательное вмешательство государства в хозяйственный кризис сбыта на рубеже 1923—1924 гг., приведшее к ликвидации «ножниц цен» между продукцией государственной промышленности и сельскохозяйственными товарами.

⁷⁰ Ibid., p. 114.

⁷¹ Ibid., p. 120.

⁷² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 101.

⁷³ Кржижановский Г. М. Избранное. М., 1957, с. 424.

Проведенное по указанию ЦК РКП(б) и Советского правительства снижение цен на промышленные товары, повышение цен на сельскохозяйственную продукцию, предоставление заводам сельскохозяйственного машиностроения государственной дотации в целях понижения цен на сельскохозяйственные орудия, организация денежного кредита крестьянству, открытие для этого Центрального сельскохозяйственного банка, снижение накладных расходов в государственной и кооперативной торговле — вот далеко не полный перечень мер, которые привели к ликвидации «кризиса сбыта».⁷⁴ И все эти меры — проявление планового начала пролетарского государства в условиях НЭПа — свидетельствуют о полной несостоятельности концепции так называемого рыночного социализма, призванной, с одной стороны, опорочить подлинно социалистические принципы экономического развития СССР последних сорока лет, а с другой, — выдвинуть альтернативу этим принципам в виде праворевизионистских теорий, находящихся признание у контрреволюционных элементов в ряде социалистических государств.

Взгляды В. Бандеры не стоят особняком в современной реакционной историографии и экономической литературе. Их разновидность можно обнаружить в работе английского экономиста А. Ноува «Экономическая политика СССР». Этот автор достаточно известен своей весьма тенденциозной интерпретацией экономической истории Советского государства. Ноув не останавливается в своих рассуждениях и перед прямой фальсификацией позиции В. И. Ленина по вопросу о сущности экономической системы после введения НЭПа. В основе его концепции лежит тезис о так называемой «смешанной экономике (mixed economic), по сути дела сводящейся к той же апологии «рыночного социализма», которая свойственна работам В. Бандеры. Что же пишет А. Ноув по интересующему нас вопросу? Взгляды В. И. Ленина на сущность НЭПа он представляет в таком виде, чтобы столкнуть их с последующей политикой партии в области экономики (централизация управления экономикой, социалистическое планирование и т. д.). По его схеме, Ленин, хотя и не создал общей теории экономического развития страны, так как «все больше и больше погружался в каждодневную жизнь политики»,⁷⁵ тем не менее якобы стоял на точке зрения консервации или сохранения в течение длительного времени смешанной децентрализованной экономики. В одной из своих последних статей Ноув пишет: «... критерий, предложенный Лениным для оценки управления, был рыночный критерий. Доказано, что Ленин никогда не ввел бы... модели ультрацентрализации».⁷⁶ Объявленное Лениным в 1922 г. прекра-

⁷⁴ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 4, кн. I. М., 1970, с. 294—296.

⁷⁵ Lenin, the Man, the Theorist, the Leader. A Reappraisal. Ed. by L. Schapiro and P. Reddaway. London, 1967, p. 198.

⁷⁶ Ibid., p. 209.

щение отступления он трактует как перегруппировку сил для последующего наступления социалистических элементов экономики, но, по его мнению, оно имело целью не столько борьбу против частного сектора, сколько «усиление эффективных мер использования рыночных отношений в период социализма». ⁷⁷ Само же использование этих отношений он стремится противопоставить централизованному управлению экономикой и социалистическому планированию, хотя, как показал опыт СССР, и то и другое находятся в диалектическом единстве и сочетаются при руководстве социалистическим народным хозяйством. По сути дела из ленинского понимания сущности НЭПа А. Ноув произвольно вырывает положение об использовании рыночных отношений в переходный период, отбрасывая весь ленинский план строительства социализма на рельсах НЭПа (развитие социалистической тяжелой индустрии, кооперирование сельского хозяйства и т. д.).

Итак, интерпретация А. Ноуvom ленинского понимания сущности НЭПа имеет целью доказать, что последующая политика партии и ее курс на строительство социализма в одной стране путем индустриализации, плаповой экономики, централизации управления и кооперации сельского хозяйства представлял собой отход от ленинских взглядов. При таком подходе на щит поднимаются идеи оппозиции, которая в 20—30-х гг. выдвигала альтернативный курс экономической политики, расходящийся с политикой партии. ⁷⁸

Фальсификация ленинского учения о НЭПе, попытки представить В. И. Ленина сторонником консервации так называемого рыночного социализма и противником той политики партии в области экономики, которая проводилась в годы строительства фундамента социализма и развитого социалистического общества, предпринимаются также и рядом историков открыто реакционного направления. В 1968 г. в журнале «Russian Review» появилась статья некоего Д. Поспеловского под тенденциозным названием «Ресталинизация или десталинизация?», где автор, давая периодизацию истории СССР, сообщает читателю следующие сведения. «Первые четыре года (1917—1921 гг.) — годы „военного коммунизма“, — которые Ленин признал позднее как ошибку», а вот действительно «истинной социалистической моделью был НЭП», который и «должен быть применен с некоторыми изменениями к сегодняшней ситуации». ⁷⁹ Эту «истинную социалистическую модель» автор явно противопоставляет политике индустриализации 1929—1934 гг., которые, по его мнению, лишь «согласно официальной линии» были «годами славной социалистической реконструкции». ⁸⁰

⁷⁷ Ibid.

⁷⁸ Подробнее см.: Олегина И. Н. Индустриализация СССР в английской и американской историографии. Л., 1971, с. 200—220.

⁷⁹ Pospelovsky D. Restalinization or destalinization? — Russian Review, 1968, vol. 27, № 3, p. 319.

⁸⁰ Ibid.

Американский советолог Б. Вольф в своей статье, опубликованной в сборнике «50 лет коммунизма в Советской России», рассматривая содержание работы В. И. Ленина «О кооперации», утверждает, что В. И. Ленин к концу своей жизни будто бы пришел к твердому убеждению о необходимости консервации НЭПа в том виде, в каком эта политика сложилась в первые два года после ее введения.⁸¹ Иными словами, Б. Вольфом совершенно игнорируются известные положения В. И. Ленина о необходимости развивать в первую очередь социалистическую тяжелую промышленность, его высказывания о НЭПе как специфической форме классовой борьбы между социализмом и капиталистическим укладом, в которой решался вопрос, «кто кого». Более того, Б. Вольф странным образом забывает, что в анализируемой им статье В. И. Ленин социализмом называл «...строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией».⁸² Вместо этого в качестве слагаемых ленинского плана построения социализма он называет консервацию начальных элементов НЭПа, добровольное кооперирование крестьянства и подъем культурного уровня: «НЭП, плюс кооперативы, плюс культура — вот что приведет Россию от государственного капитализма к социализму».⁸³ По мнению Вольфа, лишь Бухарин в своем стремлении опереться на хозяйственного мужичка в развитии сельского хозяйства и с его теорией вращая кулака в социализм твердо стоял на позиции Ленина.⁸⁴ К этому же мнению присоединяется и английский советолог В. Кэтт, который пишет: «Проживи Ленин достаточно долго... его прагматический ум мог бы взять верх над его партийной революционностью и его НЭП вместо того, чтобы служить временным феноменом, мог бы стать начальной фазой индустриализации „черепашьими шагами“, как предлагал Бухарин».⁸⁵

Попытки извратить ленинское учение о НЭПе, представить Ленина чуть ли не противником строительства социализма на путях индустриализации и коллективизации страны, полностью опровергаются последними выступлениями, статьями и письмами В. И. Ленина, в которых изложен план построения социализма в СССР.

20 ноября 1922 г. на пленуме Моссовета в своей последней публичной речи В. И. Ленин говорил о том, что социализм уже не есть теперь вопрос отдаленного будущего, что он уже стал частью повседневной жизни. В. И. Ленин закончил свою речь

⁸¹ Fifty years of Communism in Russia. Ed. with an introduction by Mirorad M. Drachkovitch. The Pennsylvania State University Press and London, 1968, p. 39.

⁸² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 373.

⁸³ Fifty years of Communism in Russia, p. 39.

⁸⁴ Ibid., p. 39—40.

⁸⁵ Survey, 1967, № 65, p. 84—95.

словами: «...из России неповской будет Россия социалистическая».⁸⁶ Следовательно, утверждения, будто Ленин стоял на точке зрения сохранения на длительное время в первозданной чистоте методов и системы взглядов так называемого рыночного социализма, не выдерживают никакой критики. Для Ленина НЭП был не специфически социалистической системой, которую надлежало сохранить и совершенствовать как особую модель «рыночного социализма», а системой переходных мер (с частичным применением и капиталистических методов), формой классовой борьбы, способом подготовить переход от многоукладной экономики к подлинно социалистическому способу производства.⁸⁷ Далее, первые годы НЭПа, как известно, характеризовались прежде всего восстановлением сельского хозяйства в результате введения продналога и на его основе подъемом легкой промышленности. Был ли Ленин склонен задержаться на этой фазе экономического развития, являлся ли он сторонником консервации экономической системы НЭПа его первых лет, как это утверждают в рассмотренных нами работах буржуазные авторы? Разделял ли он точку зрения Бухарина о «врастании хозяйственного мужичка» в социализм и об индустриализации «черепашьими темпами», как пишут некоторые из них? Отнюдь нет.

Все помыслы Ленина в конце его жизни были направлены на укрепление социалистического уклада, на развитие тяжелой индустрии, в которой он видел главное средство строительства социализма. «Спасением для России, — говорил он на IV конгрессе Коминтерна, — является не только хороший урожай в крестьянском хозяйстве — этого еще мало — и не только хорошее состояние легкой промышленности, поставляющей крестьянству предметы потребления, — этого тоже еще мало, — нам необходима также *тяжелая индустрия*».⁸⁸ Поэтому он ставил задачу уже в 1922 г. накопить необходимые средства и направить их на развитие тяжелой промышленности, чтобы пересадить страну «на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д.».⁸⁹ В статье «О кооперации» В. И. Ленин намечал план постепенного перевода крестьянского хозяйства на коллективные социалистические рельсы. В статье «О придании законодательных функций Госплану» он обосновывал необходимость повышения руководящей роли планирования в развитии экономики уже в годы НЭПа.

Таким образом, последние работы В. И. Ленина, представляющие в своей совокупности содержание его плана построения социализма в СССР, не оставляют камня на камне от домыслов апологетов «рыночного социализма» относительно НЭПа как экономической системы.

⁸⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 309.

⁸⁷ Там же, с. 60—61, 95.

⁸⁸ Там же, с. 288.

⁸⁹ Там же, с. 405.

Было бы неверным считать, что вся буржуазная историография рассматривает этот вопрос только с таких позиций. Для нее характерен известный разнобой в определении соотношения между экономической системой периода НЭПа, с одной стороны, и политики военного коммунизма и так называемой командной политикой пятилеток, — с другой.

Так, например, Наттер, известный своими в целом реакционными взглядами в оценке начального этапа истории Советского государства, касаясь вопроса об элементах плановости и централизации при НЭПе, даже называет эти годы «предплановыми» и считает, что «НЭП означал больше, чем интерлюдия» к последующим годам.⁹⁰

Говоря о появлении плановых начал при НЭПе в достаточно сильно национализированном секторе, Наттер противопоставляет свою концепцию взглядам Баандеры и А. Ноува, полностью отделяющим политику НЭПа от последующего экономического курса периода коллективизации и индустриализации. Правильным представляется и утверждение Наттера о наличии некоторых элементов сходства политики «военного коммунизма» и НЭПа. Он пишет, что «предплановые годы делятся на период военного коммунизма и следующие годы НЭПа».⁹¹ Большинство же буржуазных авторов отрывают полностью одно от другого.

Представители буржуазно-либерального направления современной историографии, несмотря на многие ошибочные положения о сущности НЭПа, в то же время высказывают целый ряд правильных мыслей относительно сложившейся после X съезда РКП(б) экономической системы и ее места в истории хозяйственного развития СССР на пути к социализму. Английский историк Дж. Коул в противоположность А. Ноуву, Б. Вольфу и другим не считает, что В. И. Ленин рассматривал экономическую модель этого времени как устойчивую систему, которую надлежало сохранить в качестве так называемого рыночного социализма на длительное время. Он пишет, что «Ленин явно рассчитывал завершить период НЭПа в течение нескольких лет».⁹²

Еще более подробное и аргументированное изложение всей этой проблемы содержится в работах английского профессора Э. Карра, где достаточно объективно освещаются многие из затронутых выше вопросов. Уже во втором томе своей «Большевистской революции» он рассматривает систему мер НЭПа не как введенную одним махом, а как совокупность мер, осуществление каждой из которых влекло за собой и принятие другой, или, как пишет автор, — мер, «постепенно вырастающих одна из другой». Первым шагом на этом пути автор называет «сельскохозяйствен-

⁹⁰ Nutter G. W. The growth of Industrial Production in the Soviet Union. Princeton, 1962, p. 95; Fifty years of Communism in Russia, p. 84.

⁹¹ Nutter G. W. Op. cit., p. 96.

⁹² Cole J. Communism and Social Democracy. 1914—1931. London, 1958, p. 561.

ную политику, направленную на увеличение снабжения продовольствием со стороны крестьянства». Далее, пишет Э. Карр, — эта экономическая политика «развивалась как торговая и финансовая политика, а затем в высшей своей форме как промышленная политика».⁹³ Затем автор рассматривает историю появления термина «НЭП», отношение к НЭПу в партии и т. д.⁹⁴ Э. Карр особо подчеркивает значение централизации, роли тяжелой промышленности, которая, — как пишет автор, — «была условием строительства социалистического порядка».⁹⁵ Кроме того, Э. Карр, основываясь на статье В. И. Ленина «О придании законодательных функций Госплану», убедительно показывает роль планирования в самом начале НЭПа.⁹⁶

В последней работе Э. Карра «1917 г.: до и после» еще отчетливее выражается его точка зрения на экономику периода НЭПа как на переходную к социализму форму, в которой заключены многие элементы плашовой экономической политики последующих лет индустриализации. Автор, опираясь на высказывания В. И. Ленина, утверждает, что НЭП — не система, а соревнование между социализмом и капитализмом по принципу «кто кого». Э. Карр полагает, что НЭП является «компромиссом между национализированной промышленностью и мелким крестьянским хозяйством, между государственным контролем и рыночной экономикой, основанной на оживлении частного капитала».⁹⁷ По мнению Э. Карра, никто не ожидал, что этот компромисс сохранится надолго; уже кризис сбыта 1923 г. показал упорное сражение между контролируемыми и свободными ценами и был симптомом предстоящей интенсивной борьбы. Э. Карр считает, что посредством планирования успешно достигалось превращение крестьянской экономики в планируемую и контролируемую центром систему.⁹⁸

Предпринятый в данной статье анализ концепций современной буржуазной историографии, относящихся к проблемам социально-экономического развития Советской России в первые годы НЭПа, показывает, что, несмотря на наличие работ, авторы которых пытаются подойти к оценке этих важнейших вопросов с более или менее объективных позиций, преобладающей все же является тенденциозная их интерпретация. Перед советскими историками, изучающими этот этап развития нашего государства, стоит задача аргументированной критики такого рода буржуазных построений и дальнейшей углубленной позитивной разработки всего круга проблем, в которые наиболее активно вторгаются буржуазная историография.

⁹³ Carr E. H. The bolshevik revolution, vol. II. 1917—1923, London, 1963, p. 272.

⁹⁴ Ibid., p. 274—276.

⁹⁵ Ibid., p. 272.

⁹⁶ Ibid.

⁹⁷ Carr E. H. 1917: before and after. London, 1969, p. 99.

⁹⁸ Ibid.